

ПРЕПОЗИТИВНОЕ РЕМАТИЧЕСКОЕ ПОДЛЕЖАЩЕЕ И ЕГО КРИТЕРИИ В АНГЛИЙСКОЙ НАУЧНОЙ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Л.А. Хлабутина

Аннотация. Исследуются конструкции с препозитивным (в позиции до сказуемого) рематическим подлежащим в функциональном стиле научной и технической литературы. Обосновывается их теоретический статус и описываются критерии идентификации. Особое внимание уделяется маркерам письменной речи – артиклю, пассиву и семантике сказуемого. Приводятся англо-русские эквиваленты и количественные данные, подтверждающие частотность и нормативность данного явления в английском языке.

Ключевые слова: рематическое подлежащее, критерий ремы, информационная роль, порядок слов, актуальное членение предложения, научная и техническая литература.

В работе рассматриваются конструкции с препозитивным рематическим подлежащим, часто называемые «третьим порядком слов», типа **The following results are thus obtained** (*Итак, были получены следующие результаты*). Термин «третий порядок слов» введен в лингвистику А.Л. Пумпянским и применен к предложениям, которые составляют VI английскую логико-грамматическую формулу в его схеме информационного порядка слов в научной и технической литературе (НиТЛ) [1]. Обосновывая термин, автор исходит из традиционного синтаксического представления о существовании в языке двух порядков слов, обусловленных местоположением в предложении подлежащего и сказуемого. При синтаксически «прямом» порядке слов подлежащее располагается перед сказуемым, при «обратном» (инвертированном) – после. Опираясь на теорию В.З. Панфилова о логико-грамматическом членении предложения (в нашем исследовании синоним актуального членения предложения), А.Л. Пумпянский отмечает, что первый, синтаксически прямой порядок слов дает логико-грамматическую формулу «слабое подлежащее + сказуемое», а второй (инвертированный) порядок слов – логико-грамматическую формулу «сказуемое + сильное подлежащее». Однако, по его мнению, во многих языках существует и другой, так называемый третий порядок слов – «сильное (рематическое) подлежащее плюс ослабленное сказуемое» [1. С. 59], являющийся предметом нашего исследования. В силу своей емкости и лаконичности, термин «третий порядок слов» служит в качестве исходного и в настоящей работе.

Исследование проблем третьего порядка слов имеет большую теоретическую значимость, поскольку позволяет дополнить целый ряд устоявшихся теорий и точек зрения об информационной роли порядка слов в разных языках.

Наличие сильного (рематического) подлежащего в начале предложения в письменной речи, какой является язык функционального стиля научной и технической литературы (ФСНигЛ), противоречит, прежде всего, распространенному мнению об универсальности линейного, прогрессивного способа подачи информации в предложении, в соответствии с принципом функциональной перспективы предложения (от «темы» к « реме»), постулируемым представителями Пражской лингвистической школы, и свидетельствует о нормативности обратного, т.е. антилинейного (регрессивного) способа организации высказывания, в котором на первом месте стоит «рема». Рематичность препозитивного подлежащего в конструкциях с третьим порядком слов демонстрирует также относительность распространенного представления о неизменном соответствии грамматического подлежащего и «темы» (субъекта), подтверждая, тем самым, случай несовпадения логических и грамматических категорий в высказывании.

Как известно, точка зрения о линейности высказывания наиболее последовательно отстаивалась Г. Габеленцем и Г. Штейнталем – представителями психологической школы языкознания. Значительный вклад в ее развитие внесли представители теории актуального членения предложения. Разделяя теорию линейности, А. Вейль сделал очень важное дополнение, предложив идею разграничения объективного (непатетического) и субъективного (патетического) порядка слов. Согласно А. Вейлю, «исходная точка высказывания» (тема) находится в начале предложения лишь при нормальной, непатетической речи. В условиях же эмфазы на первое место выдвигается «основное высказывание» (рема), тогда как «исходная точка высказывания» перемещается в конец или отсутствует вообще [2. С. 36].

Концепция А. Вейля оказала влияние на взгляды таких ярких представителей Пражской лингвистической школы, как В. Матезиус и Я. Фирбас, в трудах которых идея о субъективном и объективном порядке слов получила широкое распространение. При этом В. Матезиус признавал возможность фразоначального положения ремы (нелинейную организацию высказывания) не только при субъективном, но и при объективном порядке слов. А случаи рематического подлежащего в начале неэмотивных предложений привели Я. Фирбаса к выводу даже о невосприимчивости английского языка к требованию функциональной перспективы предложения [3. С. 239]. Однако оба автора не придавали продуктивности таких конструкций большого значения и относили их, скорее, к разряду исключений, чем правил.

Несмотря на признание описываемого феномена, в трудах многих последователей Пражской лингвистической школы (К. Боост, А. Блинкенберг, Д. Болинджер, Е. Бенеш, М. Халидей, Х. Бринкман, К. Крушельницкая, О. Лаптева, И. Ковтунова, Н. Слюсарева, В. Гак и др.) прочно утвердилась идея об универсальности линейного принципа следования компонентов информационной структуры высказывания (от темы к реме). Как следствие, постулирование линейности высказывания сопровождается

лось недостаточным вниманием к анализу информационного качества самого подлежащего. В трудах Ч. Ли, С. Томпсона, Д. Лайонса, В. Гака, Н. Арутюновой, Н. Слюсаревой и других исследователей довольно последовательно отстаивалась концепция о корреляции подлежащего, темы и начальной позиции. Разведение же этих понятий, как уже отмечалось, объяснялось эмфазой.

Материалом анализа и отправной точкой указанных выводов служил, как правило, стиль художественной литературы, преследующий цель эмоционального воздействия на читателя, в котором эмоциональная маркированность рематического подлежащего носит вполне ожидаемый и закономерный характер.

Специфика языка ФСНиТЛ представляющего, в основном, письменный тип речи, вносит свои коррективы. Начиная с XX в., отмечается рост употребительности исследуемых конструкций, а также меняется их статус. По нашим данным, средняя частотность данного явления в современном научном стиле достигает, например, в жанре аннотаций 30%. Увеличение их частотности в современном научном стиле тесно связано с внутренними эволюционными языковыми процессами, становлением национального английского языка вообще и становлением научного стиля в частности. Известно, что исторически научный стиль возник на основе стилей художественной литературы и эпистолярного жанра, с характерными признаками интимизации повествования и эмоциональности изложения. В соответствии с общепринятым подходом, употребление исследуемых конструкций, например, в XIX в. являлось средством эмоционального воздействия на читателя. Начиная с XX в., экстралингвистическая и лингвистическая стратегия ФСНиТЛ меняется.

Одними из основных стилевых черт ФСНиТЛ на современном этапе являются высокая информативность содержания, безобразность и эмоциональная нейтральность. Данная особенность приводит к тому, что функционирование фразона начального рематического подлежащего в указанном стиле уже не может диктоваться условиями эмфазы, а имеет иные закономерности своего употребления. В современном языке ФСНиТЛ конструкции с препозитивным рематическим подлежащим из разряда периферии перешли в разряд нормы, продиктованы его новой экстралингвистической спецификой и являются средством обобщения и абстрагирования научной информации [4. С. 123]. В каком-то смысле указанные конструкции в языке ФСНиТЛ можно считать приметой нашего времени.

Кроме научного интереса, касающегося изменения статуса данного явления, его стилевой специфики, исследования феномена третьего порядка слов постоянно представляют значительный практический интерес.

В XX в. заметный вклад в разработку фразона начального подлежащего, являющегося информационным центром высказывания, внесли лингвисты, исследовавшие его специфику с целью перевода. ФСНиТЛ разных языков имеет различные лингвистические характеристики, прояв-

ляющиеся, в том числе, и в структуре предложения – порядке слов. На необходимость переводческих трансформаций при переводе таких конструкций с английского языка на русский указывали А. Литвиненко, С. Толстой, В. Комиссаров, И. Распопов, К. Крушельницкая, В. Шевякова и др.

Наибольший вклад в исследование третьего порядка слов в ФСНиТЛ в переводческом аспекте внесли работы А.Л. Пумпянского, разработавшего билингвистический критерий третьего порядка слов, обеспечивающий принципиально новый способ его идентификации. Исследуя специфику распределения информации в английской и русской письменной речи, А.Л. Пумпянский отметил их принципиальное позиционное различие. В английском языке распределение основной и вспомогательной информации (темы и ремы) не маркировано, синусоидально, чередуется, а в русской письменной речи – позиционно маркировано (линейно). Другими словами, основная информация (рема) в русской письменной речи всегда располагается в конце предложения, в позиции после сказуемого, а в английской может занимать любую позицию. Этот билингвистический факт позволил автору, при наличии английского предложения и его эквивалента, использовать русский язык в качестве эталона для выявления сильного (рематического) подлежащего в английском и других языках, где имеется третий порядок слов. Был сформулирован так называемый билингвистический закон третьего порядка слов, который предполагает, что если в предложении любого языка наличествует сильное подлежащее при прямом порядке слов, то в русском предложении с одинаковым содержанием эквивалент этого сильного подлежащего будет расположен в конце предложения [1. С. 59].

Необходимость переводческих трансформаций, в силу специфики современного русского ФСНиТЛ с его тенденцией строить высказывание с акцентом на фразоконечную позицию, особенно остро ставит проблему идентификации монологических критериев рематических компонентов английского предложения вообще и рематического подлежащего в частности. Для достижения адекватности перевода на русский язык английского препозитивного рематического подлежащего, необходимо в английском языке исключить его информационную двузначность, поскольку в русском эквиваленте препозитивная тема остается в прежней позиции, а препозитивная рема перемещается в конец.

Представленный выше билингвистический закон сам по себе может являться достаточно надежным средством идентификации английского рематического подлежащего, однако применим только при параллельном сравнении предложений двух языков (с известной оглядкой, конечно, на мастерство переводчика). Вопрос же о монологических средствах идентификации ремы в письменной речи остается по-прежнему открытым.

В целом выделяются:

1) просодические средства оформления рематических компонентов высказывания (интонация, логическое ударение, пауза и т.п.);

2) синтаксические (употребление залоговых конструкций, особый тип вопросительных предложений, усилительные конструкции);

3) лексические (артикл, частицы, количественные числительные, семантика глагола-сказуемого);

4) морфологические (специальные морфемы, служебные слова).

Употребление тех или иных средств выражения рематического подлежащего зависит от типологических свойств языка и от формы представления информации – устной или письменной. В устной речи рема легко идентифицируется благодаря указанным просодическим средствам. Поскольку НиТЛ носит, в основном, письменный характер, где отсутствует активная смыслоформирующая интонация, то в рамках данного исследования просодические маркеры теряют свою релевантность. Наибольший интерес вызывают лексические и синтаксические средства ремовыделения, такие как неопределенный артикл, пассив, семантика глагола-сказуемого и других лексических единиц.

В работах по коммуникативному синтаксису можно встретить утверждение об информационно-маркирующей функции артиклей, согласно которому средством ремовыделения предлагается считать неопределенный артикл, а темовыделения – определенный. Насколько известно автору, впервые идея об информационно-диагностирующей функции артикля была высказана Б.А. Ильишом. Комментируя предложение «The door opened and a young girl came in», он писал, что неопределенный артикл в словосочетании a young girl превращает существительное, с которым он употребляется, в семантический предикат, тогда как определенный артикл лишает его этой возможности [5. С. 251]. В течение жизни данная точка зрения менялась. В 1965 г. он уже более осторожно высказывается об информационной роли артиклей, отмечая, что неопределенный артикл проявляет лишь тенденцию выделять то, что уже известно [6. С. 201]. Ремовыделительная функция неопределенного артикля отмечалась и другими лингвистами: В.Е. Шевяковой [7. С. 101; 8. С. 119], Л.А. Черняховской [9. С. 178], М.Е. Цыпышевой [10. С. 182], М.В. Никитиным [11. С. 609], М.Н. Лапшиной [12. С. 37] и др.

По нашим наблюдениям, в художественной литературе (в повествованиях) неопределенный артикл выступает как средство презентации объекта как такового, когда говорящий вводит в речь какой-то новый объект, еще не известный его собеседнику. Например:

1. It was a dark night. **A man** was riding a bicycle without a lamp. He came to a crossroad and did not know which way to turn. В данном случае нововведенным объектом является существительное a man. Та же функция встречается в ФСНиТЛ:

2. **A slit** is cut to reduce unwanted coupling between regions. – Для уменьшения нежелательной связи между резонаторами сделана прорезь (вводится новый элемент a slit при описании эксперимента).

3. **A function** to estimate the complexity of the curve parts is proposed. – *Предлагается функция, оценивающая «сложность» фрагментов кривой.*

В примере 3 введение нового элемента подчеркивается лексически с помощью семантики слова «предлагать», так как предлагается всегда что-то новое, необычное, как выход из затруднительного положения, для успешности эксперимента. Часто предложения такого типа встречаются в жанре аннотаций, где почти каждая конструкция носит автосемантический назывной характер. Предложение в этом случае кратко представляет значительную часть научного исследования, к которому составлена данная аннотация. Исследуя фразоначалное рематическое подлежащее в устной речи с точки зрения синхронного перевода, М.Н. Лапшина отнесла такие предложения к разряду монорем, понимая под моноремой предложения, начинающиеся с ремы. Рема, с ее точки зрения, является фактором нового и не имеет денотата в предшествующем предложении [12. С. 37].

Часто неопределенный артикль с рематическим подлежащим встречается в предложениях, содержащих указание на графические средства информации, для усиления убедительности, наглядности и достоверности излагаемых научных положений.

4. **A photograph** of the phototype chip is shown in Fig. 4. – *На рис. 4 приведена фотография опытного образца фильтра в интегральном исполнении.*

Однако наряду с неопределенным артиклем в данной функции не исключено использование и определенного артикля.

5. **The circuit diagram** and characteristics are shown in the figure. – *На этом же рисунке приведены электромеханическая схема и характеристики.*

6. **The actual bandpass unit** is displayed in Fig. 15. – *На рис. 15 показан практический вариант блока полосового фильтра.*

Выделяются случаи использования третьего порядка слов в структуре «неопределенный артикль + прилагательное либо причастие в сравнительной степени»:

7. **A more fundamental limitation** of the direct form structure was recognized. – *Установлено более фундаментальное ограничение, присущее прямой форме.*

8. In Fig. 11 **a more complicated spectrum** is shown. – *На рис. 11 показан более сложный спектр.*

Вместе с тем в соответствии с классической грамматикой с прилагательным в превосходной степени используется и определенный артикль.

9. **The oldest and best known strategies** will be discussed here. – *Здесь будут рассмотрены самые старые и самые известные стратегии.*

Лексическое наполнение словосочетания *the oldest and best known* в примере 9 предполагает, что описываемое явление в целом известно реципиенту, однако в данном контексте оно выдвигается на

передний план, является предметом исследования, что и составляет факт новизны в отличие от других работ, рассматривающих, очевидно, и иные стратегии.

Как сравнительная, так и превосходная степени прилагательных являются средством логического выдвижения описываемого объекта на первый план (в одном случае при сравнении двух, в другом – при сравнении со всеми), поэтому рематичность подлежащего в таком сопровождении вполне логична. Другое дело, что степени сравнения прилагательных могут сопровождать и иные члены предложения, что исключает их универсальность как средств ремовыделения только подлежащего.

В обзорной части научных статей, в языке НИТЛ, посвященных, как правило, изложению истории вопроса, анализу аналогов и прототипов описываемых научных разработок, встречается рематическое подлежащее, обусловленное выдвижением объекта за счет семантики слов «other», «another» и «alternate» в значении «другой – лучший» по принципу противопоставления:

10. **An alternate approach** to a single chip processor has been proposed by Goldberg. – *Голдберг предложил другой вариант однокристалльного преобразователя.*

11. **Another approach** to attaining stringent filter specifications ...has been proposed by Kaiser and Hamming. – *Кайзер и Хэмминг предложили более строгий метод проектирования.*

Во множественном числе исчисляемые существительные, как известно, используются с нулевым артиклем, однако функция выдвижения по принципу противопоставления, скрытая в семантике слова alternate, сохраняется.

12. Once the cost becomes too high, **alternate technologies** become preferable. – *Слишком высокая стоимость заставляет отдать предпочтение другим технологиям.*

13. Many **other universities** have made similar efforts. – *Аналогичную работу провели многие другие университеты.*

Примеры показывают, что не артикль, а скорее семантика слов alternate, another и other подчеркивает рематичность подлежащего, сигнализируя о переходе мысли и привлекая к нему внимание как более важному, новому предмету описания.

Важность информации, содержащейся в препозитивном подлежащем, может выделяться лексически с помощью слов обобщения (a number of, a variety of, several, many, multiple и т.п.), а также с помощью числительных, подчеркивающих множественность. Предложения такого типа часто встречаются в начале абзаца либо в начале сверхфразовых единств, несут некое обобщение, за которым дальше предполагается детальное разъяснение. При этом рематичность подлежащего в таких примерах обусловлена не грамматической категорией неопределенности, а семантикой словосочетания, обозначающего количественную множественность, рас-

пространенность, а следовательно, важность для рассмотрения, что и является интенцией говорящего.

14. **A variety of** design techniques have been developed in recent years. – *За последние годы разработано большое число методов.*

15. **A number of** teaching strategies have been developed over the past ten years. – *За последние 10 лет разработано множество стратегий обучения.*

16. **Two** transfers occur per clock period. – *За один тактовый период происходит два переноса.*

17. On almost every graph **three** horizontal dashed lines appear. – *Почти на каждом графике есть три горизонтальные пунктирные линии.*

Эффективным средством ремовыделения оказываются союз both... and... и прилагательное the following, также подчеркивающие не единичность явления, а его обобщенность. Использование определенного артикля перед словом following диктуется не информационным весом прилагательного, а требованиями нормативной грамматики английского языка, отражающими языковую традицию. Неопределенный артикль с данным словом не употребляется, а определенный может быть употреблен с прилагательным к существительному, расположенному и в постпозиции. Пример 19, приведенный ниже, можно без изменения смысла трансформировать в предложение They recommend the following actions, где рема находится в конце предложения. Сравнение показывает, что некоторые слова-выделители хотя и могут сопровождать постпозитивное подлежащее, в случае их употребления с подлежащим в препозиции почти всегда сигнализируют о его информационной силе.

К разряду указанных усилителей можно также отнести и отрицательные частицы и местоимения no, nothing, not и наречие only, входящие в группу рематического подлежащего. При этом если сравнить семантику прилагательного following и союзов both... and... с семантической значимостью отрицательных частиц, то можно отметить, что первые функцию ремовыдвижения осуществляют по принципу обобщения, а отрицательные частицы и only – по принципу ограничения или исключения.

18. **Both lateral and** vertical variations are displayed. – *Воспроизводятся как вертикальные, так и горизонтальные вариации параметра.*

19. **The** following actions are recommended. – *Рекомендуются следующие действия.*

20. **Not** much of this is found in the typical undergraduate curriculum. – *В типичных программах старших курсов найдется немного заданий такого рода.*

21. **No** statistics are available. – *У нас отсутствуют статистические данные.*

22. Thus, **only** first-order non-linearities are considered. – *Таким образом, рассматриваются только нелинейности первого порядка.*

Семантическая значимость препозитивного подлежащего усиливается также с помощью прилагательных и наречий, подчеркивающих исключительность объекта по сравнению с другими объектами, таких как *special, successful, basic, good, particular, very, first – order* (пример 22) etc.

23. **Successful** experiments are reported. – *Сообщалось об успешных экспериментах.*

24. In section 2 **special** computational tasks were discussed. – *В разделе 2 рассмотрены специальные вычислительные задачи.*

Итак, наблюдения показывают, что в значительном количестве случаев диагностики ремы способствует не артикль, а лексическое наполнение языковых единиц, составляющих группу рематического подлежащего и подчеркивающих его важность. Как правило, этой цели служат лексические единицы, несущие в себе оттенки значений множественности, обобщенности, ограниченности, противопоставления, сравнения и т.п. В аннотациях, обзорных статьях, в начале абзацев распространены предложения, в которых препозитивное предикатное подлежащее формирует их автосемантическую и независимость от контекста.

Сильное подлежащее используется как с неопределенным, так и с определенным артиклем. Значительной употребительностью обладает подлежащее, представленное существительным без артикля, поэтому неопределенный артикль не может рассматриваться как его универсальный критерий. Рематичность подлежащего связана не столько с грамматической категорией неопределенности, сколько с прагматической интенцией говорящего, диктующей логическое выдвижение наиболее значимых или новых для конкретного высказывания смысловых компонентов. При этом новый для конкретного высказывания объект, к которому говорящий желает привлечь внимание, для участников коммуникации может быть хорошо известным и вполне определенным. Данная точка зрения соотносится с точкой зрения Я. Фирбаса, отмечавшего относительность выводов о ремовыделительной функции неопределенного артикля в художественной литературе [3. С. 246].

В научной и технической литературе ограниченную сферу действия неопределенного артикля как средства ремовыделения продемонстрировал А.Л. Пумпянский, показав, что средством ремовыделения неопределенный артикль является лишь в 20–25% случаев. Причем неопределенный артикль встречается при этом даже реже, чем определенный, частотность которого перед существительным, несущим основную информацию, равна, по его подсчетам, 25% [1. С. 196]. В рамках нашего исследования употребление неопределенного, нулевого и определенного артиклей в конструкциях с препозитивным рематическим подлежащим соотносится как 22,2%, 47 и 30,8%, что, в принципе, подтверждает обозначенную им тенденцию. Причем приведенные цифры обращают внимание на необходимость исследования, в первую очередь, роли нулевого артикля, встречающегося почти в половине случаев и еще недостаточно освященного в работах данного направления.

Практический материал и количественные данные дают основания полагать, что понятия известности (определенности)/неизвестности (неопределенности), используемые традиционными грамматиками для обоснования выбора артикля, не связаны с категориями коммуникативного синтаксиса тема – рема (данное – новое). Попытки связать грамматически «неизвестное/неопределенное» с коммуникативным «рема/новое» в значительной степени обусловлены схожестью семантики самих понятий и соблазном поисков прямолинейной, зеркальной зависимости между логическими и грамматическими категориями. Неопределенный артикль не может диктовать рематичность подлежащему, как и определенный артикль не может диктовать его обязательную тематичность. Известный из конституации, вполне определенный объект в языке НиТЛ может предстать с новой, важной для научного исследования, неожиданной стороны и выступить в роли ремы. С коммуникативной точки зрения рема/новое – это не то, что неизвестно или неопределенно, а то, что является *важным* с точки зрения говорящего в каждый данный момент порождения речи. В НиТЛ оно в значительной степени диктуется объективным ходом научного исследования и прагматической установкой автора, выбирающей соответствующую речевую стратегию. Данная стратегия реализуется в семантике (лексике) речевых единиц и особой расстановке логических акцентов, направленных, в конечном счете, на достижение максимальной информативности и точности научного изложения. Данные рассуждения приводят к выводу, что целесообразно ставить вопрос не об абсолютности или относительности тезиса о рематичности неопределенного артикля в конструкциях с препозитивным рематическим подлежащим, а об отсутствии взаимозависимости между логическими и грамматическими категориями в целом.

Наряду с артиклем средствами ремовыделения препозитивного подлежащего в письменной речи часто обозначаются пассивная форма сказуемого и ослабленная семантика глагола-сказуемого.

При информационно-сильном подлежащем, информационная ослабленность сказуемого представляется абсолютно закономерной. Рематичность подлежащего сопровождается сказуемым, которое в силу тех или иных причин оказывается информационно гораздо менее значимыми, чем подлежащее. В разряд таких глаголов входят:

1. Экзистенциальные глаголы.
2. Глаголы, обозначающие семантическое родство с семантикой подлежащего (a wave – drifted).
3. Характерные для научной и технической литературы глаголы с ослабленной информационной значимостью.

Как справедливо подчеркивал Я. Фирбас, экзистенциальный глагол, обозначающий появление или наличие на сцене, основное внимание привлекает не к самому факту появления или наличия, а к объекту, который появляется [3. С. 37]. В приведенном выше примере 17 описываются три горизонтальные линии, а не то, что с ними произошло.

25. **Only initial developments exist.** – *Осуществлены только начальные этапы работы (см. также пример 17).*

В данном примере кроме экзистенциального глагола ремовыделение подлежащего происходит также за счет семантики слова *only*, осуществляющего логическое выдвигание объекта путем ограничения.

Глаголы, обозначающие семантическое родство с семантикой подлежащего (*wave – drift*), прибавляют очень мало к уже имеющимся в подлежащем сведениям. Предложения такого типа характерны для художественной литературы и в языке НиТЛ встречаются редко.

В связи с номинативностью изложения, в научной и технической литературе распространены глаголы с ослабленной информационной значимостью, выполняющие роль связки. Семантически ослабленный (десемантизованный) глагол образует комплекс с рематическим компонентом высказывания в НиТЛ, повышая тем самым информационную значимость комплекса в целом. Ослабленное сказуемое в конструкциях с препозитивным рематическим подлежащим как раз и является основой для формирования признаков автосемантической или «монорематичности» (по терминологии М.Н. Лапшиной). Не случайно удельный вес таких конструкций значительно возрастает в жанре аннотаций, состоящих из набора мало связанных между собой независимых структур, кратко перечисляющих содержание первичного документа, к которому данная аннотация составлена. Такие глаголы, часто встречающиеся в анализируемых нами структурах, как *is presented, are described, is used, are addressed, were achieved, are illustrated, etc.* дают мало конкретной фактологически новой научной информации, обладают большой предсказуемостью и используются, в силу стандартизованности научного стиля, практически в любом описании научного исследования. Ослабленное сказуемое всегда является сопутствующим признаком информационно-сильного подлежащего. Однако его использование в качестве однозначного критерия третьего порядка слов, также как и других критериев, вызывает вопросы. Сфера употребления ослабленного сказуемого не ограничивается только данной конструкцией. Такое сказуемое может сигнализировать о рематичности подлежащего, находящегося не только в пре-, но и в постпозиции (при инверсии), а также может информационно усиливать и другие члены предложения (дополнения и обстоятельства).

Кроме артикля и семантики сказуемого, делаются попытки связать употребление препозитивного рематического подлежащего с употреблением пассива. Наличие препозитивного подлежащего-ремы в предложениях с пассивной формой сказуемого противоречит утверждению В. Матезиуса о ремовыделении конечной позиции в пассивных структурах. По его мнению, благодаря агентивному дополнению с *by* информационная нагрузка предложения распределяется в соответствии с функциональной перспективой предложения (от темы к реме). Данную точку зрения поддерживали и другие лингвисты. Однако с появлением работ по третьему

порядку слов произошли изменения. В современных стилистических исследованиях часто отмечается возможность притяжения логического ударения в пассивных конструкциях с *by* к препозитивному подлежащему. Агентивное дополнение с *by* делает акцент на производителе действия, что в языке ФСНиТЛ часто является просто избыточной информацией. Производитель действия, автор научной работы, эксперимента, научного исследования, как правило, известен из широкого контекста. Его фамилия печатается в начале статьи. Любое научное исследование относится к формально-логическому, коллективному виду информации, для которого характерны абстрактность, безличность изложения. В этой связи использование агентивного дополнения с *by* в качестве ремы встречается только там, где действительно принципиально важно подчеркнуть авторство научной работы или исследования. И, наоборот, номинативность изложения в НиТЛ открывает путь дополнению с *by* в качестве темы, где факт производителя действия не имеет значения. Интересно отметить, что в нижеприведенном примере дополнение с *by* вводит не производителя, а инструмент действия.

26. *Characteristics of a poleless filter are shown by dashed lines.* – *Пунктиром показаны характеристики бесплюсного фильтра.*

Несмотря на то, что пассив присутствует в значительном количестве примеров с третьим порядком слов, агентивное дополнение – тема в них наблюдается очень редко.

Распространенность пассива в исследуемом обороте не является основанием для ремовыделения подлежащего по следующим причинам:

1. Пассив присутствует хотя и в подавляющем (80%), но не в абсолютном количестве примеров (20% предложений в нашей выборке все-таки имеют сказуемые в действительном залоге).

2 Пассив не является преимущественным признаком лишь данной модели. Если сравнить использование пассива во всех английских структурах в целом с использованием пассива в третьем порядке слов, то доля последнего будет ничтожна. Следует признать, что употребление пассива для выделения препозитивного подлежащего является скорее исключением, чем правилом.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что в современном языке ФСНиТЛ конструкции с препозитивным рематическим подлежащим являются устойчивым, нормативным явлением. С начала проявления активного интереса к данному явлению теоретический статус третьего порядка прошел заметную эволюцию. В течение XX в. точка зрения о языковой периферийности данной модели сменилась признанием его нормативности для языка ФСНиТЛ. Использование рематического подлежащего при синтаксически прямом порядке слов в современном научном стиле продиктовано его экстралингвистической спецификой и является средством обобщения и абстрагирования научной информации, лишенной эмоциональной составляющей. Данный оборот можно считать

языковой приметой современного английского научного стиля, идентификация которого имеет большое значение для теории и практики перевода. В силу письменного характера ФСНиТЛ выявление монолингвистических критериев данной конструкции представляется сложной, если вообще разрешимой на синтаксическом уровне, задачей. Представляются утопичными попытки некоторых исследователей связать подлежащее-рему и неопределенный артикль. Используемый в синтаксической грамматике критерий неопределенности не связан с понятием коммуникативного синтаксиса «рема» (новое). Анализ показывает, что рематическое подлежащее сопровождается любым артиклем. В силу своей частотности, дальнейшего освещения требует исследование роли нулевого артикля в НиТЛ, оставшееся пока за пределами современных разработок. Основным препятствием в идентификации препозитивного предикатного подлежащего является многозначность представленных в работе критериев. Ослабленная семантика сказуемого и пассив используются не только в анализируемых моделях, но и при построении других конструкций. С большей степенью уверенности можно говорить об отрицании и слове *only*. В группе препозитивного подлежащего они практически всегда выделяют рему. Остальные признаки, представленные в исследовании, такие как числительные, слова, подчеркивающие множественность, важность, исключительность, обобщенность т.п., можно отнести к разряду сопутствующих, но не главных показателей. Во многих случаях поиск критериев третьего порядка слов из сферы грамматики перемещается в область семантики лексических единиц и прагматики научного текста.

Рассмотренные аспекты вскрывают лишь часть проблематики по данному вопросу. Вместе с тем некоторые диахронические наблюдения и небольшой экскурс в историю вопроса говорят о подвижности языковой формы и значительной эволюции взглядов на данный феномен. Несмотря на сложность поставленной задачи и отсутствие быстрых положительных ответов, есть все основания надеяться на успешность дальнейших исследований в данном направлении.

Литература

1. *Пумпянский А.Л.* Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе. М.: Наука, 1974. 247 с.
2. *Weil H.* De l'ordre des mots dans les langues anciennes comparees aux langues modernes: questions de grammaire generale. Paris: Vieweg, 1879. 101 p.
3. *Firbas J.* Non-thematic Subjects in Contemporary English (A Contribution to the Problem of Central and Peripheral Phenomena in the System of Functional Sentence Perspective). Travaux linguistiques de Prague – Prague: Academia, 1966. P. 239–256.
4. *Хлабутина Л.А.* Препозитивное предикатное подлежащее в английской научной и технической литературе: Дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1985. 150 с.
5. *Ильиш Б.А.* Современный английский язык. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1948. 348 с.
6. *Ильиш Б.А.* Строй современного английского языка. М.: Просвещение, 1965. 378 с.

7. *Шевякова В.Е.* Актуальное членение предложения. М.: Наука, 1976. 136 с.
8. *Шевякова В.Е.* Современный английский язык. М.: Наука, 1980. 380 с.
9. *Черняховская Л.А.* Перевод и смысловая структура. М.: Междунар. отношения, 1976. 262 с.
10. *Цытышева М.Е.* Передача порядка слов при переводе с английского языка на русский // Чтение. Перевод. Устная речь. Методика и лингвистика. Л.: Наука, 1977. С. 181–182.
11. *Никитин М.В.* Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1997. 756 с.
12. *Ланшина М.Н.* Роль актуального членения предложения для синхронного перевода // Материалы XXIX Межвузовской науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. Вып. 6. Актуальные проблемы теории и практики перевода. 13–18 марта 2000 г. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2000. С. 37–40.

THE PRE-POSITIONAL SUBJECT-RHEME AND ITS CRITERIA IN THE LANGUAGE OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Khlabutina L.A.

Summary. The constructions with the subject-rheme in the position before the predicate in the language of science and technology are presented. Their theoretical status is discussed and criteria are analyzed. Special emphases on the rheme identity in the written type literature is made – article, passive voice and verb semantics. English-Russian equivalents and quantitative data confirming their frequent usage in the above mentioned style are provided.

Key words: rhematic subject, rheme criteria, informative value, word – order, actual division of a sentence, scientific and technical literature.